

УДК 392.51

Ритуальное пространство и обрядовые аспекты свадьбы на Сокирянщине конца XX – начала XXI в.: семантический аспект

Красовская Ирина Васильевна

Аспирант,

Харьковская государственная академия дизайна и искусств,

61002, Украина, Харьков, ул. Краснознаменная, 8;

e-mail: krasovskai@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается семантический аспект ритуального пространства и обрядовых аспектов современной свадьбы на Сокирянщине. Статья построена на основе материалов полевых разведок проведенных автором на протяжении 1993-2011 гг. в 29 населенных пунктах Сокирянского района Черновицкой области.

Ключевые слова

Свадьба, народные традиции, ритуальное пространство, обрядовое действие, семантика.

Введение

В условиях урбанизационных процессов, которые активизировались с середины XX века и продолжаются до наших дней, все чаще фиксируется исчезновение свадебных традиций и обрядов. В тоже время в жизненной

практике украинцев Сокирянщины сохраняется богатый пласт обрядовой культуры, также присутствует вариатность в пределах исследуемого региона.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, интересом современных гу-

манитарных наук к региональным (и даже локальным) отличиям традиционной культуры украинцев, а с другой стороны, наличием в рамках культуры буковинского края самобытного варианта свадебного обряда, который не получил должного внимания в культурологических исследованиях.

В работе использованы методы наблюдения, фото и видео фиксации, сравнительного и семантического анализов. Методологической основой работы послужили труды А. Афансьева, А. Байбурина, В. Борисенко, Ф. Вовка, В. Зеленчука, Д. Кантемира, М. Маерчик, Н. Сумцова и др.

Обрядовое свадебное пространство

В контексте развития свадебной структуры, как целостной системы, важно не только рассмотрение обрядовых действий, в качестве отдельных составляющих, но их место в жилом пространстве. Развиваясь в рамках отдельных локусов дома, двора, улицы, села, ритуал приобретает дополнительный семиотический статус, обусловленный общей мировоззренческой моделью, в которой пространство имеет свои законы существования и развития: «Структура

обладает и пространственным фактором с неравномерным устройством, который содержит центральные образования и периферию»¹. При этом идея центра и периферии, отмеченная рядом исследователей, является для архаического мировоззрения организующей².

Изучение мифообрядового аспекта пространства украинского жилища осуществлялось еще на рубеже XIX-XX вв. К этой теме обращались Н. Сумцов³, Ф. Вовк⁴, Е. Кагаров⁵. Объектом внимания ученых были отдельные части жилья, в частности, – печь, порог, стол. Среди российских исследователей специальную работу этому

1 Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глухівського повіту у Чернігівщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.3. – Львів, 1900. – С. 29.

2 Байбурин А. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 30.

3 Сумцов Н. Религиозно-мифическое значение малорусской свадьбы. – К., 1885. – 20 с.

4 Вовк Ф. Студії з української етнографії та антропології / Відпов. за випуск В. Кузьменко, Н. Прибега. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.

5 Кагаров Е. О значении некоторых русских и украинских народных обычаев // Известия АН. – 1917. – № 9. – С. 77-82.

вопросу посвятил М. Афанасьев⁶. В конце XX в. наблюдается новый подъем интереса к данной тематике, при этом ученые пытаются осмыслить все элементы пространства как ритуальные объекты. В частности, Н. Здоровега⁷, В. Борисенко⁸ рассматривают мифообрядовую функцию отдельных элементов жилья в контексте свадебной обрядности.

Как свидетельствуют собранные автором на Сокирянщине полевые материалы, одним из материализованных ритуальных локусов выступает дорога, с которой связано развитие отдельных частей действия. Она разделяет и, вместе с тем, соединяет породнившиеся семьи. Неоднократное преодоление пути – важная составляющая свадебной структуры⁹. Как об-

рядовое пространство, дорога имеет дифференцированные признаки. Неодинаково осуществляется путь жениха с «поездом» за невестой, молодых от церкви или к нанашкам («свадебные родители» – молодая семейная пара), к росписи и т. д. Так, например, в Шебутинцах, Ломачинцах, Струмке и др. к церкви и от церкви свадебный кортеж движется обязательно другой дорогой. Дорога является одним из наиболее ярких воплощений темы «перехода»¹⁰ в современном свадебном ритуале исследуемого района и обозначена сложной семантикой.

В контексте нашего исследования следует остановиться на таком ритуале как «переливание». Анализируя материалы полевых исследований, выявлено, что «переливание» – ритуал, который можно считать примером синтеза молдавской и буковинской традиции. Здесь объединились украинские «переймы» с молдавским поливанием водой и рядом выплат женихом за невесту¹¹. Вода вообще считалась женским началом, символом очище-

6 Афанасьев А. Религиозно-языческое значение избы селянина // Отечественные записки, 1851. – Т. 76. – № 6. – С. 53-66.

7 Здоровега Н. Нариси народної весільної обрядовості на Україні. – К.: Наукова думка, 1974. – 159 с.

8 Борисенко В. Весільні звичаї та обряди на Україні: Історико-етнографічне дослідження. – К.: Наукова думка, 1988. – 192 с.

9 Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х рр. XX – поч. XXI ст. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острог: Острозька академія, 2012. – С. 295.

10 Цивьян Т. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Вып. 10. – Тарту, 1978 — С. 76.

11 Зеленчук В. Очерки молдавской народной обрядности. – Киш.: Картя Молдовеняскэ, 1959. – С. 50-51.

ния, «священной стихией»¹² и именно поэтому невеста поливала дорогу жениху водой, как знак плодородия. Кроме этого, поливание водой связано с охранным актом от злых духов. В этом акте прослеживается давняя роль женщины, как хранительницы семейного очага. Семантическое значение воды сохраняется и в современной свадьбе Сокирянщины. Водой кропят и молодых при выходе невесты / жениха из дома, при выходе молодых к церкви / росписи, кропят и свадебные атрибуты, например, венки молодоженов из барвинка т. д.¹³

Дорога должна иметь свое начало и конец. Таким пунктом в современной свадебной обрядности Сокирянщины являются ворота, выступающие условной границей, преодоление которой имеет статус семантической смены символов. Здесь пролегает одна из границ между внутренним и внешним пространством,

между сакральным и мирским. Ведь ограждения были в частности знаковым воплощением духовной концепции разграничения «времени – пространства»¹⁴. Ворота в профанном мире нарушают абсолютную замкнутость двора. Семантика последнего базируется, прежде всего, на его пограничном статусе относительно внутреннего жилого континуума отдельной семьи, поэтому в свадьбе они выполняют полисемантические функции. Ворота, как культурная граница, являются пространственным контекстом начала свадебного действия.

В традиционной обрядности культурные границы представлены поперечно ориентированными бороздами, шестами, скамейками, столами и, наконец, воротами и порогами. Все они делят пространство на отдельные части. Ритуальная функция границы в виде ее «показывания» исследовалась в свое время В. Борисенко¹⁵, а позже А. Курочкиным¹⁶. Так, в современной

12 Максимов А. Вода, как эмблема брака у древних славян по данным этнографии и произведениям народного творчества. – место из-ва и год из-ва отсутствуют (после 1888 г.), – С 2.

13 Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х рр. ХХ – поч. ХХІ ст. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острог: Острозька академія, 2012. – С. 297.

14 Лукичев П., Скорик А. Фаллический культ: социоисторический анализ // Социс. – 1994. – № 12. – С. 84.

15 Борисенко В. Традиції та життєдіяльність етносу. На матеріалах святково-обрядової культури українців. – К.: Унісерв, 2000. – 192 с.

16 Курочкін О. «Метод синкретичних вузлів» і давні весільні ігри українців // Матеріали до української етнології.

свадьбе Сокирянщины еще накануне девичника в доме, где будет свадьба, обязательно украшают ворота. Над воротами сооружают аркоподобную конструкцию из ветвей ели или сосны, которую украшают разноцветными лентами, цветами, шариками и т. п.

По нашему мнению, такая конструкция над воротами стала воплощением свадебного *гильця* (*ветви*), которое в современной свадьбе Сокирянщины отсутствует. Поэтому арка над воротами приобрела сложную и многогранную семантику, которая связана, прежде всего, с символикой мирового дерева как образа пространства и времени. Если традиционное «гильце» («вильце») исследователи относят к группе символов таких как шерсть, лен, конопля и особенно кудель (сырье, которое прошло первичную обработку, но еще не стало готовой продукцией), с которыми связывают свивание как процесс преобразования персонажа, получения им другого социального статуса¹⁷, то аналогичную функцию выполняет арка. Сооружение и украшение арки над воротами можем считать процес-

сом свивания, поскольку молодожены проходят под аркой когда идут к венчанию / росписи еще не женатыми, а, возвращаясь, проходят под аркой, уже будучи супругами. То есть, арку над воротами можем считать символом перехода жениха и невесты от одного состояния жизни (незамужнего) к другому (замужнему)¹⁸.

Ритуальная функция такой арки не ограничивается только фиксацией перехода. Она должна способствовать еще и счастливой супружеской жизни. Поэтому отделка, напоминающая украшение «гильця» в традиционной буковинской свадебной обрядности, имеет символическое значение, где цветы и разноцветные ленты должны обеспечить молодоженам счастье, здоровье, благополучие и согласие в семье¹⁹. Хотя стоит отметить, что ни один из респондентов не указал на символическое значение такой арки,

Збірник наукових праць. Вип. 3(6). – К., 2003. – С. 53-59.

17 Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – С. 218-220.

18 Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х т. XX – т. XXI т. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острого: Острозька академія, 2012. – С. 298.

19 Кожоляно О. Весільне деревце як елемент весільної обрядовості Буковини (на прикладі Заставнівського району) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження. Том 4: Збірник наукових праць. – Донецьк, 2004. – С. 100.

а просто отмечали ее необходимость, как признака усадьбы, где должна состояться свадьба.

Переход свадебного кортежа в открытое пространство всегда сопровождается действиями охранительного содержания. Действия, происходящие перед воротами во дворе, связаны только с подготовкой к дороге, преодоление которой – всегда испытание. Дом, двор – территория, где происходит объединение рода. Оно воплощено в общем сидении перед выходом молодоженов, нанашек, старших свидетелей, молодежи и всех, присутствующих в доме, что, как утверждает М. Кулишер, символизирует единение – сидя на одной скамье близко друг от друга люди касаются друг друга²⁰; в круговом обходе сакрально обозначенного атрибута. В контексте нашего исследования таким является стол²¹, который в традиционной культуре воспринимается как «сакральный центр дома» и тесно связан с темой рода и семьи. Стол се-

мантически сопоставляется с церковным престолом, что утверждает его сакральный статус, а также может соотноситься с темой пути, перехода из «своего» мира в «чужой» и наоборот²². Подобный обрядовый акт присутствует и в молдавском традиционном свадьбе, когда нунул вводил молодых и всех гостей в дом, то сначала все должны были один раз обойти вокруг стола, а потом все садились за стол, и начиналось свадебное торжество²³.

Обще региональной является традиция удара палицей по косякам при вхождении в дом или выходе из него. Так, например, в Ломачинцах, Волошкове старший «дружба», когда заводит молодоженов в дом и выводит молодых из дома во двор, то бьет палкой по косякам накрест. Так он отгоняет все злое от молодоженов, поскольку, как считают исследователи восточнославянской культуры, двери отделяют друг от друга два разных по качеству мира – внешней (вражеский) и внутренний (знакомый, свой)²⁴. По

20 Кулишер М. Очерки сравнительной этнографии и культуры. – СПб.: Тип. Скороходова, 1887. – С. 107.

21 Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х рр. ХХ – поч. ХХІ ст. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острог: Острозька академія, 2012. – С. 299.

22 Байбури А. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – С. 57-58.

23 Молдаване // М. Чокану. Свадебная обрядность. – Москва: Наука, 2010. – С. 381.

24 Кагаров Е. О значении некоторых русских и украинских народных обычаев // Известия АН. – 1917. – № 9. – С. 78.

мнению Ф. Вовка и Н. Сумцова действие ударения палицей также генетически родственно с плодovitостью²⁵.

Обрядовые акты

Обрядовым актом современной свадьбы Сокирянщины, представляющим сочетание и синтезирование буковинской и молдавской традиции, является «*проща*» – просьба о прощении вины у Бога и людей. Анализируя современный свадебный обряд Сокирянщины, выявлено, что «*проща*» по своему ритуальному содержанию изменилась. В ритуале объединились и родительское благословение, и прощание с родителями и родными. Как и в традиционной обрядности, оглашение речей-формул в современной обрядности принадлежит исключительно мужчинам. Это может быть староста, сват, один из музыкантов и даже один из гостей. Сохранено семантику ритуала «*прощи*» – молодожены вступают в новый период своей жизни и родные, близкие, благослов-

ляя и прощая, дают возможность молодым начать все с «начала».

Обрядовое расплетание косы невесты приурочивалось к девичнику. В современной свадьбе Сокирянщины ритуал «расплетания косы» является скорее данью традиции, поскольку прическу невесте делает парикмахер утром в день свадьбы. Тем не менее, нанашка, родители, родные слегка расчесывают невесту, чтобы не испортить прическу, таким образом, содержание ритуала сохранено. И, как и прежде, расплетание часто сопровождается плачем невесты и ее родных²⁶.

«*Подмена невесты*». Такие аллегорические действия встречаются и в молдавской и в украинской традиционной обрядности во время сватовства²⁷. Это обрядовое действие на Сокирянщине приобрело локальный характер распространения. Так, «подмену» невесты встречаем только в селах Михалково и Белоусовка. Следует

25 Вовк Ф. Студії з української етнографії та антропології / Відпов. За випуск В. Кузьменко, Н. Прибега. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.; Сумцов Н. О свадебных обрядах, преимущественно уских. – Харьков, 1881.

26 Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х т. XX – т. XXI т. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острог: Острозька академія, 2012. – С. 301.

27 Кантемир Д. Описание Молдавии. – Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1973. – С. 163; Борисенко В. Весільні звичаї та обряди на Україні: Історико-етнографічне дослідження. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 24.

отметить, что с сокращением свадебного хронотопа «подмена» невесты вошла уже в собственно свадебный цикл. Как одно из проявлений защитной магии в традиционной культуре, данный ритуальный акт на современном этапе, сохранил лишь схему обряда. Этот акт перешел из магического действия в игровой.

От порога в сенях начинаются обряды, связанные с обсыпанием молодых зерном перед дорогой к церкви / росписи. *Осыпание зерном* народная традиция ограничивает двором. Изучая семантику обычая осыпания зерном, российская исследовательница Л. Лаврентьева делает вывод, что оно всегда происходит на границе своего и чужого, то есть в опасных участках дороги, поскольку зерно символизирует благополучие, плодovitость, богатство, жизнь и выполняет охранительные функции²⁸. Однако в современной свадебной обрядности Сокирянщины, осыпание не ограничивается определенным обрядовым локусом. Так, молодоженов осыпают зерном не только при отправлении из дома к загсу, но и при выезде в церковь,

при выходе из храма после венчания, при выходе из зала регистрации брака или из клуба после росписи, а иногда встречаем осыпание молодоженов во время первого танца. То есть произошла определенная семантическая перекодировка.

По нашим наблюдениям, в современной свадьбе Сокирянщины осыпание зерном происходит не только в момент перехода (выхода из дома), но и в тех моментах, которые требуют особого подчеркивания, таких как первый танец молодоженов или встреча молодоженов после росписи / венчания. Однако следует отметить, что в заключительной части пути, на обратной дороге, осыпание зерном отсутствует. Молодоженов по возвращению после росписи / венчания родители встречают уже хлебом-солью²⁹.

Разграничивающей семантикой наделены действия, связанные с прохождением под поднятыми, соединенными руками. Так, например, в Вашковцах, когда свадебный кортеж приходит в дом жениха, в воротах молодоженов встречают родители.

28 Лаврентьева Л. Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры – Л.: Наука, ЛО, 1990. – С. 38-39.

29 Красовська І. Сучасний весільний обряд Сокирянщини: стан дослідженості // Культура України. Вип. 8. – Харків: Харківська державна академія культури, 2001. – С. 235.

Они вчетвером держат хлеб, образуя символические ворота. Молодожены, трижды поклонившись родителям, проходят через эти ворота, но когда они пытаются пройти, то родители, трижды благословляют своих детей, опуская на их головы хлеб. Через «*родительские*» ворота проходит весь свадебный кортеж.

В контексте общественного одобрения, признания брака можно рассматривать и «*величание*», которым сопровождается все свадебное действие. Такой ритуал появился в современной свадебной обрядности Сокирянщины в результате трансформации молдавского танца «шир», при выполнении которого танцоры выстраивались в два ряда друг напротив друга³⁰. Таким общим «*величанием*» присутствующие выражают свое уважение и благодарность. Следует заметить, что в собственно свадебном цикле величаются все, кроме молодоженов, что является еще одним свидетельством сохранения одной из ритуальных характеристик молодых – недвижимости. Молодожены начинают величаться в послесвадебной части действия, когда начинают исполнять роль моло-

дых хозяев, а главными персонажами ритуала становятся нанашки.

Глубокий семантический смысл в украинской традиционной обрядности имел каравай, который выступал символом единения молодых, единения двух семей, продолжения рода, плодородия, перехода молодых к иной социальной группе и т. д. Все, что касалось каравая, приобретало и магическое значение. Так, в свадьбах на Сокирянщине конца XX – начала XXI в. наделение кусочком каравая каждого из присутствующих на свадьбе является заклинанием счастливой супружеской жизни, поскольку каждый, кто получает каравай, выражает свои пожелания новобрачным. Сначала каравай молодожены разламывают, что носит гадальное содержание (у кого большая часть, тот и будет главным в семье), а затем молодожены раздают каждый свою половину каравая по кусочку всем присутствующим. Например, в Лопатове молодожены пытаются сделать это как можно быстрее, ибо кто будет первым, опять же будет главой в доме. В Васильевке, Ломачинцах, Ветрянке каравай молодые раздают вместе, а не по отдельности, чтобы быть в паре.

В Васильевке встречаем локальный обрядовый акт «*мытья ног*»

30 Зеленчук В. Очерки молдавской народной обрядности. – Киш.: Картя Молдовеняскэ, 1959. – С. 43.

тещи зятем и одаривание ее обувью. В традиционной обрядности исследуемого района, жених покупал обувь для невесты (в молдавской свадьбе – туфли³¹, на Буковине – сапоги³², а обрядовые действия по отношению к теще мы не прослеживаем. Однако, как отмечают исследователи украинской традиционной культуры, колоритный обряд «мытья ног» тещи зятем присутствует в свадьбе других регионов Украины. Такой ритуал является одновременно покупкой, и продажей невесты. Обувая тещу в сапоги, зять будто мирит этим два чужие (а, следовательно, враждебные) роды³³. Так, в свадьбе с. Васильевка такие ритуальные действия происходят во время одаривания родителей молодоженами, причем родители публично сразу же одевают подаренные им вещи. Следует отметить, что прежде чем надеть новую обувь, жених моет своей теще ноги не водой, а водкой. Появление данного обрядового акта на территории исследуемого района

обусловлено исчезновением экономической и культурной ограниченности села, развитием коммуникативно-информационных систем и т. д. Учитывая изложенное, следует остановиться на таком ритуальном действии как дарение вообще. В данном случае дарение (обувание) становится знаком установления определенных ритуальных отношений между женихом и тещей, в результате чего каждый из них приобретает новую для себя социальную роль, новый статус³⁴.

С сокращением современного свадебного обряда во времени, произошло и объединение некоторых традиционных ритуальных актов. Так, в некоторых селах Сокирянщины выявлено сочетание традиционного «покрывания» и «повязывания по-женски» (Михалково, Белоусовка, Сербичаны, Новоалексеевка), что стало ритуальными элементами обряда «раздевания» молодых. Кое-где (Вашковцы, Шишковцы, Галица, Ломачинцы, г. Новоднестровск) встречаем, что «покрывание» и изменение головного убора невесты происходят как отдельные обрядовые акты последнего этапа собственно свадебного цикла. Обы-

31 Там же. С. 28.

32 Артюх Л.Ф. Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 325.

33 Українське народознавство / За заг. ред. С.П. Павлюка. – Львів: Фенікс, 1995. – С. 124-125.

34 Валенцова М. Дар // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 18.

чай покрывания волос берет начало с дохристианских времен, когда он играл важную ритуальную роль. Некоторые ученые объясняют его необходимостью защиты самой женщины от злых сил, так как женские волосы наделяли магическими свойствами³⁵. Ученые высказывают и мнение, что ритуал покрывания волос первоначально символизировал подчинение мужу³⁶.

Анализируя материалы полевых исследований, можем отметить, что изменение головного убора невесты сохранило свой смысл и выступает в качестве маркера окончательного перехода невесты к категории замужних женщин. С невесты снимают фату, барвинковый венок и завязывают ее платком по-женски. В этом случае изменение головного убора выступает в качестве интегративного кода, как завершение рубежного состояния – уже не девушка, но еще и не женщина. В этом же контексте можем рассматривать и раздевание жениха: нанашул / нанашка снимают цветок, к которому прицеплен барвинковый венок. Учитывая это, достаточно содержатель-

ным является локальный обрядовый акт, который зафиксирован в селе Волюшково, когда невесте после повязывания по-женски нанашка одевает передник. Такое символическое переодевание является еще одним подтверждением изменения лимитивного этапа свадьбы на интеграционный. Невеста наделяется ритуальной подвижностью – в фартуке, как молодая хозяйка, она раздает присутствующим свадебный торт. В г. Новоднестровск, например, после повязывания невесты по-женски, на жениха одевают фату невесты задом наперед. Информаторы это объясняют так, чтобы жених после свадьбы не смотрел на других женщин.

В современном свадебном обряде Сокирянщины обнаружена «подвязка», новый атрибут свадебного костюма невесты, с которым связано появление нового ритуального акта – «бросание подвязки» женихом, что происходит после «перетанцовывания» фаты и букета жениха. Такое ритуальное «обнажение» (жених публично из-под платья с ноги невесты снимает подвязку), по М. Маерчик, свидетельствует о нивелировании маркеров социальной принадлежности лиминального лица, т. е. переход в категорию женатых / замуж-

35 Рабинович М. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – С. 71.

36 Ніколаєва Т. Історія українського костюма. – К.: Либідь, 1996. – С. 34.

них³⁷. Зафиксировано, что «бросание подвязки» женихом и «бросание букета» невестой являются гендерно уравновешенными ритуальными действиями современной обрядности.

Согласно полевым материалам, собранным автором на Сокирянщине, констатируем, что современный послесвадебный цикл является примером развертывания театрализованно-игровых сюжетов в виде шуточной свадьбы родителей молодоженов. Так, например, в Белоусовке, если родители женили последнего ребенка, то для них проводится «торжественная регистрация брака», иногда даже «венчание» и обязательно «перепой». Родители выполнили свои обязанности перед детьми, и теперь у них начинается новая семейная жизнь. Если же родители еще имеют неженатых детей, то, например, в Васильевке в «день медведя» на свадьбу приходят ряженые молодожены и их свита. Псевдомолодоженов привозят на тачке, катают по залу / шалашу / двору. Через некоторое время «молодожены» танцуют с родителями, целуются с ними. Все это сопровождается общими шутками, прибаутками и смехом.

37 Маерчик М. Ритуал і тіло: структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу. – Київ: Часопис «Критика», 2011. – С. 167.

Следует отметить значительную мужскую активность в послесвадебном цикле современной свадьбы Сокирянщины. Как отмечают исследователи традиционной ритуальной культуры, такая активность аккумулировалась в тех фазах, которые предусматривали деструктивные ритуальные действия – дебоши, препятствия, срамные игрища³⁸. Украинский исследователь мужских инициаций В. Балушок юношеское ритуальное поведение называет «антиповедением»³⁹. Однако, если в традиционной культуре «антиповедение» было присуще только сообществу парней, то в современном послесвадебном цикле кое-где встречаем среди ряженых и девушек, что опять же свидетельствует о смещении гендерных акцентов в современном обществе.

Примечательно также шутовское переодевание в противоположный пол. В таких ритуальных действиях гипертрофированно обыгрывают эротические мотивы. У переодетых персонажей смоделированы из подручных

38 Маерчик М. Ритуал і тіло: структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу. – Київ: Часопис «Критика», 2011. – С. 66.

39 Балушок В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян. – Львів-Нью-Йорк, 1998. – С.96.

материалов большие половые признаки – огромный фаллос у псевдожениха, в которого переодевают женщину, и объемная грудь у псевдоневесты, в образе которой выступает мужчина. Известен тот факт, что общее понятие игры в архаическом ритуале некоторые исследователи связывают с семантикой коитуса (coitus'a)⁴⁰. В современной свадьбе ритуал «катания на тачке» (корыте, лестнице и т. д.) имеет значение проводов, в данном случае означает благодарность родителям, которые выполнили свою родительскую функцию, женив своих детей.

Заключительным актом современного свадебного ритуала Сокирянщины в целом является «перевод молодоженов на свой хлеб». Обрядовое действие, в котором совпадают и форма и содержание. Родители вручают молодоженам хлеб, после чего они переходят через стол и выходят из зала / шалаша, с хлебом в руках, покидая свадьбу как таковую. Подобный ритуал не встречаем ни в буковинской обрядности, ни в молдавской, в том числе анализируя материалы полевых исследований, появление данного об-

рядового акта фиксируем только в начале 2000-х гг.

Заключение

Современная свадебная обрядность Сокирянщины в почти полностью сохранила главные ритуалы свадьбы и атрибуты-маркеры обрядового пространства, которые семантически связаны с аграрной культурой, имеют семантическое содержание плодovitости, выполняют отделяющие, защитные и объединяющие функции на разных этапах развертывания свадебного действия. Следует отметить, что современная обрядность в течение длительного времени формировалась в условиях взаимовлияния традиционной буковинской и молдавской обрядности. Так, например, ритуал *ломания калача*, который присутствует и в исследуемой нами обрядности был общим для украинской и молдавской традиционной свадьбы. Во время проведения современной регистрации брака сохранено *связывание рук* молодоженов, что прослеживается в предсвадебной обрядности и Буковины и Молдовы. Разница заключалась лишь в атрибутах, которыми выполняли связывание: в украинской обрядности – это рушник, в молдав-

40 Курочкін О. «Метод синкретичних вузлів» і давні весільні ігри українців // Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць. Вип. 3(6). – К., 2003. – С. 55.

скою – позолоченная нить. Обрядовое *благословение* новобрачных на счастливый брак, *осыпание зерном*, обряд «*переливания*», которые присутствуют в современной обрядности Сокирянщины, также были присущи и буквинской, и молдавской традиционной свадьбе.

Выявлено появление нового маркера ритуального пространства (аркоподобная конструкция над воротами), который наделен погранич-

ной семантикой. В тоже время, такая конструкция заменила традиционное «гильце» в качестве «свивания семейного гнезда», поскольку аркой украшают ворота того дома, где появляется новая семья. Зафиксирован ряд новых обрядовых актов, возникших в течение хронологических границ нашего исследования: «*мытьё ног*» тещи зятем, «*бросание подвязки*», «*бросание букета*», «*перевод молодоженов на свой хлеб*».

Библиографія

1. Артюх Л.Ф. Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. – К.: Наукова думка, 1987. – 381 с.
2. Афанасьев А. Религиозно-языческое значение избы селянина // Отечественные записки. – 1851. – Т. 76. – № 6. – С. 53-66.
3. Байбурин А. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 150 с.
4. Байбурин А. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 23-42.
5. Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. – СПб: Наука, 1993. – 242 с.
6. Балущок В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян. – Львів-Нью-Йорк, 1998. – 215 с.
7. Борисенко В. Весільні звичаї та обряди на Україні: Історико-етнографічне дослідження. – К.: Наукова думка, 1988. – 192 с.
8. Борисенко В. Традиції та життєдіяльність етносу. На матеріалах святково-обрядової культури українців. – К.: Унісерв, 2000. – 193 с.
9. Валенцова М. Дар // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 16-21.

10. Вовк Ф. Студії з української етнографії та антропології / Відпов. за випуск В. Кузьменко, Н. Прибега. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.
11. Гібернау М. Ідентичність націй. – К.: Темпора, 2012. – 304 с.
12. Дучинский Н. Свадебные обряды в Ольгопольском уезде Подольской губернии // Живая старина. Вып. III. Год шестой. – СПб, 1896. – С. 501-522.
13. Здоровега Н. Нариси народної весільної обрядовості на Україні. – К.: Наукова думка, 1974. – 159 с.
14. Зеленчук В. Очерки молдавской народной обрядности. – Киш.: Картя Молдовеняскэ, 1959. – 97 с.
15. Кагаров Е. О значении некоторых русских и украинских народных обычаев // Известия АН. – 1917. – № 9. – С. 77-82.
16. Кантемир Д. Описание Молдавии. – Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1973. – 222 с.
17. Кишинёвские епархиальные ведомости. – 1878. – Июль. – С. 585-592.
18. Кожолянюк О. Весільне деревце як елемент весільної обрядовості Буковини (на прикладі Заставнівського району) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріалитадослідження. Том4:Збірникнауковихпраць.–Донецьк,2004.–С.99-101.
19. Красовська І. Сучасний весільний обряд Сокирянщини: стан дослідженості // Культура України. Вип. 8. – Харків: Харківська державна академія культури, 2001. – С. 233-237.
20. Красовська І.В. Семантика обрядового простору у весіллі Сокирянщини 90-х рр. ХХ – поч. ХХІ ст. // Наукові записки. Серія «Культурологія». Вип. 9. – Острог: Острозька академія, 2012. – С. 294-302.
21. Кулишер М. Очерки сравнительной этнографии и культуры. – СПб.: Тип. Скороходова, 1887. – 287 с.
22. Курочкін О. «Метод синкретичних вузлів» і давні весільні ігри українців // Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць. Вип. 3(6). – К., 2003. – С. 53-59.
23. Лаврентьева Л. Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, ЛО, 1990. – С. 37-47.
24. Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глухівського повіту у Чернігівщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 3. – Львів, 1900. – С. 20-33.

25. Лукичев П., Скорик А. Фаллический культ: социоисторический анализ // Социс. – 1994. – № 12. – С. 80-88.
26. Маєрчик М. Ритуал і тіло: структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу. – Київ: Часопис «Критика», 2011. – 327 с.
27. Максимов А. Вода, как эмблема брака у древних славян по данным этнографии и произведениям народного творчества. – 18 с.
28. Несен І. Житловий простір у весільному ритуалі Центрального Полісся // Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць. Вип. 3 (6). – К., 2003. – С. 76-80.
29. Ніколаєва Т. Історія українського костюма. – К.:Либідь, 1996. – 176 с.
30. Рабинович М. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – 310 с.
31. Сумцов Н. О свадебных обрядах, преимущественно русских. – Харьков: Тип. И.В. Попова, 1881. – 214 с.
32. Сумцов Н. Религиозно-мифическое значение малорусской свадьбы. – К., 1885. – 20 с.
33. Українське народознавство / За заг. ред. С.П. Павлюка. – Львів: Фенікс, 1995. – 358 с.
34. Цивьян Т. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Вып. 10. – Тарту, 1978. – С. 65-85.
35. Чокану М. Молдаване // Свадебная обрядность. – М.: Наука, 2010. – С. 363-383.
36. Этнолингвистический словарь славянских древностей. Предварительные материалы. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

UDC 392.51

Ritual space and ritual aspects of the wedding on Sokyryanschina in the late XX – early XXI centuries: semantic aspect

Krasovskaya Irina Vasil'evna

Posgraduate student,
Kharkiv State Academy of Design and Arts,
P.O. Box 61002, Krasnoznamennaya str., No. 8, Kharkiv, Ukraine;
e-mail: krasovskai@gmail.com

Abstract

The collected field data on Sokiryanschina indicate that one of the materialized ritual locus is a road, which is the embodiment of the theme of "transition". The beginning and the end of the road are the gates that divide the space into an "open" and "closed", sacred and secular. Passing through the gate acquires the status of a semantic shift of symbols. The emergence of a new marker of ritual space revealed – archwise design above the gates, replacing the traditional "giltse" as "stranding the family nest". Territory, where the genus unification takes place, is the yard. Such unification is embodied in a round-trip around the sacral designated attribute, which is the table as a "sacred center of the house".

Modern wedding rites of Sokyryanschina almost completely preserved main rituals of the wedding and attributes-markers of ritual space that are semantically related to the agrarian culture, have a semantic content of fertility, perform separating, safety and unifying functions at different stages of the development of the wedding action. It should be noted that modern rites for a long time have been formed under the interference of the traditional rites of Moldova and Bukovina (rituals of snapping off the pocket-shaped bun, tying hands of newlyweds, bridal blessing for a happy marriage, wheat shedding, a ceremony of "overflowing"). Recorded a number of new ritual acts ("washing of feet" of mother-in-law

by the son-in-law, "garter tossing", "bouquet throwing", "transfer of newlyweds on their own").

Keywords

Weddings, folk traditions, ritual space, ritual action, semantics.

Introduction

With urbanization processes, which have intensified since the mid-twentieth century and continuing to the present day, more and more the disappearance of wedding traditions and rituals are observed. At the same time, in the practical life of Ukrainians of Sokryanschina remains a rich layer of ritual culture, as well as a variation within the study area.

Thus, the relevance of the study is, on the one hand, conditioned by the interest of the modern human sciences to the regional (or even local) differences of traditional culture of Ukrainians, and on the other hand, the presence of original version of the wedding ceremony in the culture of Bukovina region, which has not received adequate attention in the cultural research.

We used methods of surveillance, photos and video capturing, comparative and semantic analysis. The methodological basis of the work based on the writings of A. Afansev, A. Bayburin, V.

Borisenko, F. Vovk, V. Zelenchuk, D. Kantemir, M. Maerchik, N. Sumtsov etc.

Wedding ritual space

In the context of the wedding structure development as a complete system, it is important not only to review the ritual actions as separate components, but also their place in the residential space. Developing within the framework of individual loci of home, yard, street, village, ritual acquires an additional semi-otic status due to the general ideological model in which space has its own laws of existence and development: "The structure has an areal factor with non-uniform organization, which contains central formations and peripherals"¹. At that, the idea of the center and the periphery,

1 Litvinova-Bartosh, P. (1900), "Wedding ceremonies and customs of the village Zemlyantsi of the Glukhovski county in Chernihivschyna", *Materials of the Ukrainian-Russian ethnology. Vol. 3* ["Vesil'ni obryadi i zvichai u seli Zemlyantsi Glukhivs'kogo povitu u Chernigivshchini", *Materiali do*

marked by a number of researchers, is organizing for the archaic worldview².

Study of mythic-ritual aspect of space of Ukrainian dwelling performed at the turn of the XIX-XX centuries. N. Sumtsov³, F. Vovk⁴, E. Kagarov⁵ addressed to this topic. The objects of attention of scientists were parts of housing, in particular – oven, threshold and table. M. Afanasyev⁶ among Russian researchers dedicated his work to this issue. At the end of the twentieth century there

ukraïns'ko-rus'koï etnologii. T. 3], Lviv, p. 29.

- 2 Baiburin, A. (1991), "Ritual in the system of symbolic means of culture", *Ethno-symbolic functions of culture* ["Ritual v sisteme znakovykh sredstv kul'tury", *Etnoznakovye funktsii kul'tury*], Nauka, Moscow, p. 30.
- 3 Sumtsov, N. (1885), *Religious and mythical meaning of the Little Russian wedding* [*Religiozno-mificheskoe znachenie malorusskoi svad'by*], Kiev, 20 p.
- 4 Vovk, F., Kuz'menko, V., Pribega, N. (1995), *Project groups in Ukrainian ethnography and anthropology* [*Studii z ukraïns'koï etnografii ta antropologii*], Mistetstvo, Kiev, 336 p.
- 5 Kagarov, E. (1917), "On the meaning of some Russian and Ukrainian folk customs" ["O znachenii nekotorykh russkikh i ukraïnskikh narodnykh obychaev"], *Izvestiya AN*, No. 9, pp. 77-82.
- 6 Afanas'ev, A. (1851), "Religious-pagan meaning of peasant's hut" ["Religiozno-yazycheskoe znachenie izby selyanina"], *Otechestvennye zapiski*, No. 6(76), pp. 53-66.

has been a new surge of interest in the subject, and scientists are trying to understand all the space elements as ritual objects. In particular, N. Zdorovega⁷, V. Borisenko⁸ consider mythic-ritual function of individual elements of housing in the context of the wedding rites.

As evidence collected by the author field materials on Sokyryanschina, as one of the materialized ritual loci acts a road, which is associated with the development of certain parts of the action. It shares and, at the same time, connects intermarry families. Repeated overcoming of the way is an important part of the wedding structure⁹. As a ceremonial space the road has differentiated attributes. A bridegroom is not going the same way on

7 Zdorovega, N. (1974), *Essays on public wedding ceremony in Ukraine* [*Narisi narodnoi vesil'noi obryadovosti na Ukraïni*], Naukova dumka, Kiev, 159 p.

- 8 Borisenko, V. (1988), *Wedding traditions in Ukraine: Historical and ethnographic research* [*Vesil'ni zvichai ta obryadi na Ukraïni: Istoriko-etnografichne doslidzhennya*], Naukova dumka, Kiev, 192 p.
- 9 Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanshchyni 90-kh rr. XX – poch. XXI st."], *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vip. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, p. 295.

the "ride" for the bride, the young to the church or to nanashki ("godparents" – a young married couple), to spousal, etc. For example, in Shebutintsy, Lomachintsy, Strumok and others wedding procession moved to the church and from the church necessarily in other way. The road is one of the most striking embodiment of the theme of "transition"¹⁰ in the modern wedding ritual of the study area and provides a complex semantics.

In the context of our study we should look at the ritual of "overflowing". By analyzing the field materials, it is revealed that "overflowing" is a ritual that can be considered as an example of synthesis of Moldova and Bukovina traditions. Here united Ukrainian "pereimas" with Moldovan pouring water and next pay-off for the bride¹¹. Water is generally regarded as feminine, a symbol of purification, "sacred element"¹², and

that is why the bride watered the road for the groom as a sign of fertility. In addition, pouring water is an act of guarding against evil spirits. In this act the role of women can be traced long as the guardian of the family hearth. The semantic value of water retained in the modern wedding of Sokyryanschina as well. When leaving home bride or groom are sprinkled with water and when coming to the church or spousal the wedding attributes are sprinkled too, such as wreaths of periwinkle etc.¹³

The road should have a beginning and an end. This point in modern wedding ceremonies of Sokyryanschina is the gates, acting as a notional boundary, which overcoming has a status of semantic shift of symbols. Here lies one of the boundaries between interior and exterior space, between the sacred and the mundane. After all, fences were particularly significant embodiment of the spiritual

10 Tsiv'yan, T. (1978), "House in a folk model of the world (based on the mysteries of the Balkan)", *Works on sign systems. Issue 10* ["Dom v fol'klornoi modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok)", *Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 10*], Tartu, p. 76.

11 Zelenchuk, V. (1959), *Essays on the Moldavian national rituals [Ocherki moldavskoi narodnoi obryadnosti]*, Kartya Moldovenyaskhe, Chisinau, pp. 50-51.

12 Maksimov, A. (N.A.), *Water as a symbol of marriage in the ancient Slavs according to ethnography and folk art works [Voda,*

kak emblema braka u drevnikh slavyan po dannym etnografii i proizvedeniyam narodnogo tvorchestva], p. 2.

13 Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanschyni 90-kh rr. XX – poch. XXI st.", *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vyp. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, p. 297.

concept of separation "time – space"¹⁴. Gateway to the profane world violates an absolute closure of the yard. The semantics of the latter is based primarily on its boundary status relative to the inner residential continuum of a single family, so fences perform polysemantic functions in a wedding. Gates as a cultural border are the spatial context of the wedding action beginning.

In traditional rites cultural boundaries are presented like cross-oriented furrows, poles, benches, tables, and finally gates and sidesteps. They divide the space into individual parts. The ritual function of the border in the form of its "presentation" in due time was investigated by V. Borisenko¹⁵ and A. Kurochkin¹⁶ later. Thus, in today's wedding

on Sokiryanschina before bridal shower in a house where a wedding takes place, the gates are adorned. Above the gate the archwise construction is built of the pine or fir twigs, which is decorated with multi-colored ribbons, flowers, balloons, etc.

In our opinion, such a construction above the gates became a manifestation of wedding giltse (twigs), which in the modern wedding of Sokyryanschina had been missed. Therefore the arch above the gate acquired a complex and many-sided semantics, which is associated primarily with the symbols of the world tree as an image of space and time. If the traditional "giltse" ("wiltse") date back to the group of characters such as wool, linen, hemp and especially tow (raw materials, which passed a primary treatment, but has not yet become the finished product), which is associated with cabling as a process of converting a character, acquiring another social status¹⁷, so the similar function is exercised by the arch. The construction and decoration of the arch above the gate can be considered as a process of cabling, as the couple pass under the arch when they go to the wedding or spousal not being mar-

14 Lukichev, P., Skorik, A. (1994), "The phallic cult: socio-historical analysis" ["Fallicheskii kul't: sotsioistoricheskii analiz"], *Sotsis*, No. 12, p. 84.

15 Borisenko, V. (2000), *Traditions and livelihoods of ethnic groups. On the materials of festive rites of Ukrainians* [Traditsii ta zhittediyal'nist' etnosu. Na materialakh svyatkovo-obryadovoï kul'turi ukraïntsiiv], Uniserv, Kiev, 193 p.

16 Kurochkin, O. (2003), "Method syncretic nodes" and ancient Ukrainian wedding games", *Materials on Ukrainian ethnology. Collected scientific papers. Issue 3(6)* ["Metod sinkretichnikh vuzliv" i davni vesil'ni igri ukraïntsiiv"], *Materiali do ukraïns'koï etnologii. Zbirnik naukovikh prats'. Vip. 3(6)*, Kiev, pp. 53-59.

17 Baiburin, A. (1993), *Ritual in traditional culture* [Ritual v traditsionnoi kul'ture], Nauka, St. Petersburg, pp. 218-220.

ried yet, and pass under the arch when coming back already being married. I.e., the arch above the gate can be considered a symbol of the bride and groom transition from one state of life (unmarried) to another (married)¹⁸.

The ritual function of such arches is not limited to the fixation of the transition. It should also contribute to a happy married life. Therefore, decoration, resembling the "giltse" ornament in Bukovina traditional wedding ceremonies, has a symbolic meaning, where flowers and colored ribbons is to ensure the newlyweds happiness, health, prosperity and harmony in the family¹⁹. Although it is worth of noting that none of the respondents pointed to the symbolic value of

such arches, and simply noted its need as a feature of the homestead where the wedding is to take place.

Moving a wedding procession in an open space is always accompanied by the actions of protective content. Actions that take place in the courtyard in front of the gate, connected only with the preparation for the road, which overcoming is always a challenge. Home, yard – the area of gender association. It is embodied in a general seat before leaving the newlyweds, nanashki, senior best men, young people and all those present in the house, who according to M. Kulisher symbolizes a unity – sitting on a bench close to each other²⁰, people touch one another in a round-trip sacral designated attribute. In the context of our study thereof is a table²¹, which is perceived as a "sacred center of the house" and closely related to gender and family in the traditional

18 Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanshchyni 90-kh rr. XX – poch. XXI st.", *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vip. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, p. 298.

19 Kozholyanko, O. (2004), "Wedding tree as part of the marriage ceremony in Bukovina (on the example of Zastavniivsky area)", *Archeology and ethnology of Eastern Europe: study materials. Vol. 4: collected scientific works* ["Vesil'ne derevtse yak element vesil'noï obryadovosti Bukovini (na prikladi Zastavniivskogo raionu)", *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi Evropi: materialy ta doslidzhennya. Tom 4: Zbirnik naukovikh prats*], Donetsk, p. 100.

20 Kulisher, M. (1887), *Essays on comparative ethnography and culture* [*Ocherki sravnitel'noi etnografii i kul'tury*], Tip. Skorokhodova, St. Petersburg, p. 107.

21 Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanshchyni 90-kh rr. XX – poch. XXI st.", *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vip. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, p. 299.

culture. Table semantically associated with the church altar, which approves its sacred status, as well as may also relate to the theme of the way, the transition from "its own" world "unfamiliar" and vice versa²². Such a ritual act is present in the Moldovan traditional wedding as well, when nunul entered the young and all the guests in the house, at first everyone had to go around the table, and then all sat down and started a wedding celebration²³.

There is a region-wide tradition of clubbing jambs when entering the house or leaving it. For instance, in Lomachintsy and Voloshkov a senior "fellow", when bringing newlyweds into the house and moving them after out of the house into the yard, bates on jambs crosswise. So he drives away all evil from the newlyweds, since according to the researchers of East Slavic culture, the doors are separated from each other two different in quality worlds – external (hostile) and internal (friendly, own)²⁴.

22 Baiburin, A. (1983), *Dwelling in the rites and ideas of Eastern Slavs* [*Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan*], Nauka, Leningrad, pp. 57-58.

23 Chokanu, M. (2010), "Moldovans", *Wedding rites* ["Moldavane", *Svadebnaya obryadnost'*], Nauka, Moscow, p. 381.

24 Kagarov, E. (1917), "On the meaning of some Russian and Ukrainian folk customs" ["O znachenii nekotorykh russkikh i

ukrainskikh narodnykh obychev"], *Izvestiya AN*, No. 9, p. 78.

25 Vovk, F., Kuz'menko, V., Pribega, N. (1995), *Project groups in Ukrainian ethnography and anthropology* [*Studii z ukrains'koï etnografii ta antropologii*], Mistetstvo, Kiev, 336 p.; Sumtsov, N. (1881), *On the wedding ceremonies, mostly of the Russians* [*O svadebnnykh obryadakh, preimushchestvenno russkikh*], Tip. I.V. Popova, Kharkiv, 214 p.

Ritual acts

Modern wedding ritual act of Sokyryanschina representing the combination and synthesis of Moldova and Bukovina tradition is a "*proscha*" – the asking for forgiveness of guilt before God and people. During the analysis of the modern wedding ceremony of Sokyryanschina it is revealed that "*proscha*" in its ritualistic content has changed. The ritual combined both parental blessing and farewell with parents and relatives. As in traditional rituals, speeches reading in the modern rites belong exclusively to men. This may be the elder, go-between, one of the musicians and even one of the guests. The semantics of the ritual "*proscha*" is preserved – couples are entering a new period of their life and relatives,

ukrainskikh narodnykh obychev"], *Izvestiya AN*, No. 9, p. 78.

25 Vovk, F., Kuz'menko, V., Pribega, N. (1995), *Project groups in Ukrainian ethnography and anthropology* [*Studii z ukrains'koï etnografii ta antropologii*], Mistetstvo, Kiev, 336 p.; Sumtsov, N. (1881), *On the wedding ceremonies, mostly of the Russians* [*O svadebnnykh obryadakh, preimushchestvenno russkikh*], Tip. I.V. Popova, Kharkiv, 214 p.

blessing and forgiving, give an opportunity to start from the very "beginning".

Ritual bride braid stripping was dated to the bridal shower. In the modern wedding ritual of Sokyryanschina "braid stripping" is more a tribute to tradition, as the bride makes her hair at hairdresser's on the morning of the wedding. However, nanashka, parents, relatives gently comb the bride, so as not to spoil her hair, so the content of the ritual preserved. And, as before, the stripping is often accompanied by bride and her family weeping²⁶.

"*Bride exchange*". Such allegorical actions are met in the Moldovan and Ukrainian traditional ritual during the offer of marriage²⁷. This ritual action on Sokyryanschina acquired a localized dis-

tributional pattern. Thus, the bride "exchange" we can meet only in the villages Mihalkovo Belousovka. It should be noted that the reduction of wedding chronotopos the bride "exchange" is already included appropriately into the wedding cycle. As one of the manifestations of defensive magic in the traditional culture, this ritual act at the present stage retained only an outline of the rite. This act moved from the magic of the game.

From the threshold in the mud room begin rituals associated with a grain sprinkling before the road to the church or spousal. Folk tradition limits *grain sprinkling* with the yard. Studying the semantics of the custom of grain sprinkling, Russian researcher A. Lavrentyev concludes that it always happens on the borders of own and others, i.e. in dangerous parts of the road, as a grain symbolizes prosperity, fertility, wealth, life and performs protective functions²⁸. However, in modern wedding ceremonies of Sokyryanschina sprinkling is not limited to a certain ritual locus. Thus, the

26 Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanschyni 90-kh rr. XX – poch. XXI st.", *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vip. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, p. 301.

27 Kantemir, D. (1973), *Description of Moldavia [Opisanie Moldavii]*, Kartya Moldovenyaske, Chisinau, p. 163; Borisenko, V. (1988), *Wedding traditions in Ukraine: Historical and ethnographic research [Vesil'ni zvizhai ta obryadi na Ukraïni: Istoriko-etnografichne doslidzhennya]*, Naukova dumka, Kiev, p. 24.

28 Lavrent'eva, L. (1990), "Symbolic function of food in rituals", *Folklore and Ethnography. Problems of reconstruction of the facts of traditional culture* ["Simvolicheskie funktsii edy v obryadakh", *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoi kul'tury*], Nauka, LO, Leningrad, pp. 38-39.

newlyweds are showered with grain not only before the way from the house to the registrar office, but also on the way to the church, when leaving the church after wedding, when leaving the marriage room after spousal, and sometimes showering the newlyweds during the first dance. In other words there was a certain semantic conversion.

According to our observations, in the modern wedding of Sokyryanschina grain sprinkling occurs not only at the time of the transition (out of home), but in those moments that require special accentuation, such as the first dance of the newlyweds or meeting married after spousal or church wedding. However, it should be noted that in the final part of the path on the way back there is no grain sprinkling. Newlyweds on the return after spousal or church wedding are met by parents with bread and salt²⁹.

With delimiting semantics are endowed actions associated with the passage of raised, paired hands. For instance, in Vashkivtsi when the wedding procession arrives at the groom's house,

29 Krasovs'ka, I. (2001), "Modern wedding ceremony in Sokyryanschina: a state of the research", *Ukrainian Culture. Issue 8* ["Suchasni vesil'nii obryad Sokiryanshchini: stan doslidzhenosti"], *Kul'tura Ukraini. Vip. 8*, Kharkivs'ka derzhavna akademiya kul'turi, Kharkiv, p. 235.

the newlyweds are greeted by parents near the gate. The four of them hold the bread, forming a symbolic gate. Newlyweds, bowing three times to parents, go through these gates, but when they try to pass, parents bless their children three times, lowering bread on their heads. Through the "*parents*" gate goes all the wedding procession.

In the context of public approval the recognition of marriage can be viewed also within "*glorification*", which is accompanied by all the wedding action. This ritual has appeared in modern wedding ceremonies of Sokyryanschina resulting from the transformation of the Moldovan dance "shir", when the dancers lined up in two rows facing each other³⁰. By such overall "glorification" all the present express their respect and gratitude. It should be noted that the actual wedding cycle glorify everyone except the newlyweds, that is a further evidence of the preservation of one of the ritual characteristics of young – the real estate. Newlyweds are being glorified in the part after wedding action, when they begin to play the role of the young owners, and nanashki became the main characters of the ritual.

30 Zelenchuk, V. (1959), *Essays on the Moldavian national rituals* [*Ocherki moldavskoi narodnoi obryadnosti*], Kartya Moldovenyaske, Chisinau, p. 43.

Deep semantic meaning in Ukrainian traditional rites had a loaf, which is a symbol of unity of the young, unity of two families, procreation, fertility, youth transition to a particular social group, etc. All that concerned the loaf, and acquired a magical significance. For example, at Sokyryanschina weddings of the late XX – early XXI centuries granting a piece of loaf to each present at the wedding is a spell of happy married life, as anyone who gets a loaf expresses his wish to newlyweds. At first, the couple break a loaf that brings a fortunetelling content (who has broken a larger part of loaf, than that will be a Head in the family), and then newlyweds hand round each part of a loaf on a piece to everyone present. E.g., in Lopatov newlyweds trying to do it as quickly as possible, for who would be the first, again, will be the Head of the house. In Vasilevka, Lomachintsy, Vetryanka the young distribute a loaf together, not separately, in order to be paired for good.

In Vasil'evka we can meet a local ritual act of "*foot washing*" to mother-in-law by son-in-law and gifting her shoes. In the traditional rites of the study area, the groom was bought shoes for the bride (in the Moldavian wedding – shoes³¹, in

Bukovina – the boots³², but the ritual actions in relation to mother-in-law we cannot trace). However, as the researchers of Ukrainian traditional culture note, a colorful ritual of "foot washing" to mother-in-law by son-in-law is present in wedding rituals in other regions of Ukraine. Such a ritual is both a purchase and a sale of bride. By wearing boots on mother-in-law the son-in-law as though reconciles two unfamiliar (and thus hostile) genders³³. Thus, in a wedding in Vasil'evka such rituals take place while newlyweds give presents to parents, and parents publicly and immediately begin to wear up the gifted things. It should be noted that before putting on a new pair of shoes, the groom washes the feet of his mother-in-law not with water, but vodka. The appearance of this ritual act within the study area is conditioned by the disappearance of economic and cultural constraints of the village, the development of communication and information systems, etc. Considering the above,

32 Artyukh, L.F. (1987), *Ukrainian-Moldovan ethno-cultural relationship during the socialism* [Ukrainsko-moldavskie etnokul'turnye vzaimosvyazi v period sotsializma], Naukova dumka, Kiev, p. 325.

33 Pavlyuk, S.P. (1995), *Ukrainian ethnology* [Ukrains'ke narodoznavstvo], Feniks, Lviv, pp. 124-125.

31 Ibid. P. 28.

we should look this ritual action as a gift at all. Here the gift (putting on shoes) becomes a sign of the establishment of certain ritualistic relationship between the son-in-law and the mother-in-law so that each of them takes new social role, a new status³⁴.

With the reduction of modern wedding ceremony in time, there has been a union of some of the traditional and ritual acts. Thus, in some villages of Sokyryanschina revealed a combination of the traditional "covering up" and "tying in a feminine way" (Mihalkovo, Belousovka, Serbichany, Novoalekseevka), which became the ritual elements of the rite of "undressing" of the young. In some places (Vashkivtsi, Shishkovtsi, Galitsa, Lomachintsy, Novodnistrovsk) we observe that "covering up" and a change of the bride's headdress occur as individual ritual acts of the last stage of the wedding cycle as such. The custom of covering the hair goes back to pre-Christian times, when it played an important ceremonial role. Some scientists explain its need to protect the woman from evil forces, as women's hair endowed magical proper-

ties³⁵. Scientists express the opinion that the ritual of covering the hair originally symbolized the submission to bride's husband³⁶.

By analyzing the materials of field study, we can note that a change in bride's headdress has retained its meaning and serves as a marker for the final transition to the category of married women. The bride's veil, periwinkle wreath removed, and a kerchief is tied in a feminine way. In this case the change of a headdress is an integrative code, as the completion of a decisive state – not a girl already but not a woman yet. In the same context, we can consider the undressing of the groom: nanashul/nanashka remove the flower with an attached periwinkle wreath. Taking it into account, it is a quite meaningful local ritual act that observed in the village Voloshkove when nanashka dresses apron to the bride after tying in a feminine way. Such symbolic dressing is another confirmation of the changes of the limitive stage of wedding to the integrative. The bride is endowed with ritual mobility – in an apron as a young mis-

34 Valentsova, M. (1995), "Gift", *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. Vol. 2* ["Dar", *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 2*], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, p. 18.

35 Rabinovich, M. (1988), *Essays on the material culture of the Russian feudal city* [*Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda*], Nauka, Moscow, p. 71.

36 Nikolaeva, T. (1996), *History of Ukrainian costume* [*Istoriya ukraïns'kogo kostyuma*], Libid', Kiev, p. 34.

tress she gives the audience a wedding cake. In the city of Novodnistrovsk, for instance, after tying the bride in a feminine way, the groom is being worn a veil backwards. Informers explain it so that after the wedding the groom would not look at other women.

In today's wedding ceremony of Sokyryanschina found a "garter", a new attribute of the bride's wedding dress, which is associated with the emergence of a new ritual act – "garter tossing" by the groom, what happens after the veil and bouquet of the bride "overdancing". This ritual "denudation" (the groom dresses out legs of the bride and takes off her garter in public), according to M. Maerchik, indicates on leveling markers of social class liminal entity, i.e., the transition into the category of married³⁷. It is committed that "garter tossing" by the groom and "bouquet tossing" by the bride are gender balanced ritual acts of modern rituals.

According to field data collected by the author in Sokyryanschina, we may state that a modern after wedding cycle is an example of the development

of theatrical-game scenes in the form of a comic wedding of newlyweds' parents. For example, in Belousovka if parents married their last child, then they conduct "a solemn registration of marriage" and sometimes even "wedding" and always "overdrinking". Parents have fulfilled their obligations to the children, and now they start a new family life. If parents have still unmarried children, for example, in Vasil'evka, in the "bear day" come costumed couple and their entourage at wedding. Pseudo-newlyweds are brought in a wheelbarrow, rolled around the room/hut/yard. After some time, "the couple" dancing with the parents and kiss them. All this is accompanied by a common jokes, bywords and laughter.

It should be noted a considerable man activity in the after wedding cycle of the modern wedding on Sokyryanschina. As notify the researchers of traditional ritual culture, such activity was accumulated in those phases which included the destructive ritual actions – fights, obstacles, shameful merrymaking³⁸. Ukrainian researcher of man initiations V. Balushok the youthful ritual behavior calls "antibehavior"³⁹. However, if in the

38 Ibid. P. 66.

39 Balushok, V. (1998), *Rituals and initiations of Ukrainians and ancient Slavs* [Obryadi initsiatsii Ukraïntsiiv ta davnikh slov'yan], Lviv, N.Y., p. 96.

37 Maerchik, M. (2011), *Ritual and body: structural and semantic analysis of Ukrainian rituals of family cycle* [Ritual i tilo: strukturno-semantichnii analiz Ukraïns'kikh obryadiv rodninogo tsiklu], Chasopis "Kritika", Kiev, p. 167.

traditional culture "antibehavior" was inherent only in the community of guys, in the contemporary after wedding cycle here and there among the maskers one can meet girls, what again demonstrates a shift in emphasis of gender in contemporary society.

It is also noteworthy a playful dressing up in the opposite sex. In such ritual actions exaggeratedly outplayed erotic motives. Dressed up characters simulate improvised big sexual characteristics – a huge phallus at pseudo-groom, which is being dressed up by woman, and big breasts at pseudo-bride, which is being dressed up by man. It is a well-known fact that the overall concept of the game in the archaic ritual is associated with the semantics of coitus (coitus'a)⁴⁰ by several researchers. In the modern wedding the ritual of "riding in a wheelbarrow" (trough, ladder, etc.) has a value of farewell ceremony, in this case, means gratitude to the parents who have done their parental function, having married their children.

40 Kurochkin, O. (2003), "Method of syncretic nodes" and ancient Ukrainian wedding games", *Materials on Ukrainian ethnology. Collected scientific papers. Issue 3(6)* ["Metod sinkretichnikh vuzliv" i davni vesil'ni igri ukraïntsiv", *Materiali do ukraïns'koï etnologii. Zbirnik naukovich prats'. Vip. 3(6)*], Kiev, p. 55.

The final act of the modern wedding ritual on Sokyryanschina in general is a "*switching newlyweds on their own bread*". The ritual action, in which coincide form and content. Parents of newlyweds hand over bread, then after they move across the table and out of the room/hut, with bread in their hand, leaving the wedding itself. A similar ritual is found neither in Bukovina, nor in Moldova rites. Including the analysis of the results of field studies, the appearance of this ritual act has been fixed only since the early 2000s.

Conclusion

Modern wedding rites of Sokyryanschina almost completely preserved main rituals of the wedding and attributes-markers of ritual space that are semantically related to the agrarian culture, have a semantic content of fertility, perform separating, safety and unifying functions at different stages of the development of the wedding action. It should be noted that modern rites for a long time have been formed under the interference of the traditional rites of Moldova and Bukovina. During the modern marriage procedure binding the hands of newlyweds is preserved, which can be traced to the pre-wedding rituals of Bukovina

and Moldova. The only difference in the attributes of binding: in Ukrainian rituals – a towel, in Moldova – a gilded thread. Ritual *blessing* for a happy marriage, *grain sprinkling*, ceremony of *"overflowing"*, which are present in the modern rites of Sokyryanschina also are characterized to Bukovina and Moldova traditional wedding.

Revealed the emergence of a new marker of ritual space (archwise construction above the gates), which is en-

dowed with the semantics of the border. At the same time, this design replaces the traditional "giltse" as "stranding the family nest" because the arch is decorated the gate of the house where there is a new family. Recorded a number of new ritual acts that occurred during the chronological boundaries of our research: *"foot washing"* of mother-in-law by son-in-law, *"garter tossing"*, *"bouquet tossing"*, *"switching newlyweds on their own bread"*.

References

1. Afanas'ev, A. (1851), "Religious-pagan meaning of peasant's hut" ["Religiozno-yazycheskoe znachenie izby selyanina"], *Otechestvennye zapiski*, No. 6(76), pp. 53-66.
2. Artyukh, L.F. (1987), *Ukrainian-Moldovan ethno-cultural relationship during the socialism* [Ukrainsko-moldavskie etnokul'turnye vzaimosvyazi v period sotsializma], Naukova dumka, Kiev, 381 p.
3. Baiburin, A. (1983), *Dwelling in the rites and ideas of Eastern Slavs* [Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan], Nauka, Leningrad, 150 p.
4. Baiburin, A. (1991), "Ritual in the system of symbolic means of culture", *Ethno-symbolic functions of culture* ["Ritual v sisteme znakovykh sredstv kul'tury", *Etnoznakovye funktsii kul'tury*], Nauka, Moscow, pp. 23-42.
5. Baiburin, A. (1993), *Ritual in traditional culture* [Ritual v traditsionnoi kul'ture], Nauka, St. Petersburg, 242 p.
6. Balushok, V. (1998), *Rituals and initiations of Ukrainians and ancient Slavs* [Obryadi initsiatsii ukraïntsiiv ta davnikh slov'yan], Lviv, N.Y., 215 p.
7. Borisenko, V. (1988), *Wedding traditions in Ukraine: Historical and ethnographic research* [Vesil'ni zvichai ta obryadi na Ukraïni: Istoriko-etnografichne doslidzhennya], Naukova dumka, Kiev, 192 p.

8. Borisenko, V. (2000), *Traditions and livelihoods of ethnic groups. On the materials of festive rites of Ukrainians* [*Traditsii ta zhittediyal'nist' etnosu. Na materialakh svyatkovo-obryadovoï kul'turi ukraïntsiiv*], Uniserv, Kiev, 193 p.
9. *Chisinau Diocesan Gazette* [*Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*], 1878, July, pp. 585-592.
10. Chokanu, M. (2010), "Moldovans", *Wedding rites* ["Moldavane", *Svadebnaya obryadnost'*], Nauka, Moscow, pp. 363-383.
11. Duchinskii, N. (1896), "Wedding ceremonies in the Olgopolskii county of the Podolia province", *Living Antiquity. Issue III. Sixth year* ["Svadebnye obryady v Ol'gopol'skom uezde Podol'skoi gubernii", *Zhivaya starina. Vyp. III. God shestoi*], St. Petersburg, pp. 501-522.
12. *Ethno-linguistic dictionary of Slavic antiquities. Advanced materials* [*Etnolingvističeskii slovar' slavyanskikh drevnostei. Predvaritel'nye materialy*], Nauka, Moscow, 1984, 184 p.
13. Gibernau, M. (2012), *Identity of Nations* [*Identichnist' natsii*], Tempora, Kiev, 304 p.
14. Kagarov, E. (1917), "On the meaning of some Russian and Ukrainian folk customs" ["O znachenii nekotorykh russkikh i ukrainskikh narodnykh obyčae"], *Izvestiya AN*, No. 9, pp. 77-82.
15. Kantemir, D. (1973), *Description of Moldavia* [*Opisanie Moldavii*], Kartya Moldovenyaske, Chisinau, 222 p.
16. Kozholyanko, O. (2004), "Wedding tree as part of the marriage ceremony in Bukovina (on the example of Zastavnivsky area)", *Archeology and ethnology of Eastern Europe: study materials. Vol. 4: collected scientific works* ["Vesil'ne derevtse yak element vesil'noï obryadovosti Bukovini (na prikladi Zastavnivs'kogo raionu)"], *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoï Evropy: materialy ta doslidzhennya. Tom 4: Zbirnik naukovikh prats'*, Donetsk, pp. 99-101.
17. Krasovs'ka, I. (2001), "Modern wedding ceremony in Sokyryanschyna: a state of the research", *Ukrainian Culture. Issue 8* ["Suchasni vesil'nii obryad Sokiryanshchini: stan doslidzhenosti"], *Kul'tura Ukraïni. Vip. 8*, Kharkivs'ka derzhavna akademiya kul'turi, Kharkiv, pp. 233-237.
18. Krasovs'ka, I.V. (2012), "Semantics of the wedding ritual space at Sokyryanschyna in 90s of the XX – beginning of the XXI cent.", *Scientific notes. Series "Cultural Studies". Issue 9* ["Semantika obryadovogo prostoru u vesilli Sokiryanshchini

- 90-kh rr. XX – poch. XXI st.", *Naukovi zapiski. Seriya "Kul'turologiya". Vip. 9*], Ostroz'ka akademiya, Ostrog, pp. 294-302.
19. Kulisher, M. (1887), *Essays on comparative ethnography and culture* [*Ocherki sravnitel'noi etnografii i kul'tury*], Tip. Skorokhodova, St. Petersburg, 287 p.
20. Kurochkin, O. (2003), "Method of syncretic nodes" and ancient Ukrainian wedding games", *Materials on Ukrainian ethnology. Collected scientific papers. Issue 3(6)* ["Metod sinkretichnikh vuzliv" i davni vesil'ni igri ukraïntsiv", *Materiali do ukraïns'koï etnologii. Zbirnik naukovikh prats'. Vip. 3(6)*], Kiev, pp. 53-59.
21. Lavrent'eva, L. (1990), "Symbolic function of food in rituals", *Folklore and Ethnography. Problems of reconstruction of the facts of traditional culture* ["Simvoli-cheskie funktsii edy v obryadakh", *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoi kul'tury*], Nauka, LO, Leningrad, pp. 37-47.
22. Litvinova-Bartosh, P. (1900), "Wedding ceremonies and customs of the village Zemlyantsi of the Glukhovski county in Chernihivschyna", *Materials of the Ukrainian-Russian ethnology. Vol. 3* ["Vesil'ni obryadi i zvichai u seli Zemlyantsi Glukhivs'kogo povitu u Chernigivshchini", *Materiali do ukraïns'ko-rus'koï etnologii. T. 3*], Lviv, pp. 20-33.
23. Lukichev, P., Skorik, A. (1994), "The phallic cult: socio-historical analysis" ["Falli-cheskii kul't: sotsioistoricheskii analiz"], *Sotsis*, No. 12, pp. 80-88.
24. Maerchik, M. (2011), *Ritual and body: structural and semantic analysis of Ukrainian rituals of family cycle* [*Ritual i tilo: strukturno-semantichnii analiz ukraïns'kikh obryadiv rodnogo tsiklu*], Chasopis "Kritika", Kiev, 327 p.
25. Maksimov, A. (N.A.), *Water as a symbol of marriage in the ancient Slavs according to ethnography and folk art works* [*Voda, kak emblema braka u drevnikh slavyan po dannym etnografii i proizvedeniyam narodnogo tvorchestva*], 18 p.
26. Nesen, I. (2003), "Residential space in a wedding ritual of the Central Polesye", *Materials on Ukrainian ethnology. Collected scientific papers. Issue 3(6)* ["Zhit-lovii prostir u vesil'nomu rituali Tsentral'nogo Polissya", *Materiali do ukraïns'koï etnologii. Zbirnik naukovikh prats'. Vip. 3 (6)*], Kiev, pp. 76-80.
27. Nikolaeva, T. (1996), *History of Ukrainian costume* [*Istoriya ukraïns'kogo kostyuma*], Libid', Kiev, 176 p.
28. Pavlyuk, S.P. (1995), *Ukrainian ethnology* [*Ukraïns'ke narodoznavstvo*], Feniks, Lviv, 358 p.

29. Rabinovich, M. (1988), *Essays on the material culture of the Russian feudal city* [*Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda*], Nauka, Moscow, 310 p.
30. Sumtsov, N. (1881), *On the wedding ceremonies, mostly of the Russians* [*O svadebnykh obryadakh, preimushchestvenno russkikh*], Tip. I.V. Popova, Kharkiv, 214 p.
31. Sumtsov, N. (1885), *Religious and mythical meaning of the Little Russian wedding* [*Religiozno-mificheskoe znachenie malorusskoi svad'by*], Kiev, 20 p.
32. Tsiv'yan, T. (1978), "House in a folk model of the world (based on the mysteries of the Balkan)", *Works on sign systems. Issue 10* ["Dom v fol'klornoi modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok)", *Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 10*], Tartu, pp. 65-85.
33. Valentsova, M. (1995), "Gift", *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. Vol. 2* ["Dar", *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 2*], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, pp. 16-21.
34. Vovk, F., Kuz'menko, V., Pribega, N. (1995), *Project groups in Ukrainian ethnography and anthropology* [*Studii z ukraïns'koï etnografii ta antropologii*], Mistetstvo, Kiev, 336 p.
35. Zdorovega, N. (1974), *Essays on public wedding ceremony in Ukraine* [*Narisi narodnoi vesil'noi obryadovosti na Ukraïni*], Naukova dumka, Kiev, 159 p.
36. Zelenchuk, V. (1959), *Essays on the Moldavian national rituals* [*Ocherki moldavskoi narodnoi obryadnosti*], Kartya Moldovenyaske, Chisinau, 97 p.